

Письмо барона М. А. Корфа къ В. П. Гаевскому о Пушкинѣ.

Приношу вамъ извиненіе, Милостивый Государь Викторъ Павловичъ, въ томъ, что такъ долго задержалъ вашу любопытную, а для меня и истинно-драгоцѣнную рукопись. При теперешнемъ кругѣ моихъ занятій я могъ посвящать ей только ночное время, но нисколько не жалѣю о потерянныхъ за нею часахъ сна. Сколько труда— а я въ этомъ дѣлѣ считаю себя немножко судьей—должны были стоить Вамъ собранныя тутъ изысканія и анекдотическія, и библиографическія, и сколько эти полныя интереса и жизни страницы навѣяли опять на меня грустно-сладкихъ воспоминаній! Я снова переживалъ пережитое полвѣка тому назадъ и не разъ, а при каждомъ листѣ мысленно благодарилъ талантливаго и трудолюбиваго автора.

Нѣкоторыя замѣтки, впрочемъ очень немногія и неважныя, вы изволите найти на прилагаемомъ листкѣ. Нѣсколько описокъ и пропусковъ я позволилъ себѣ поправить въ самомъ текстѣ. Примите ихъ снисходительно, вмѣстѣ съ увѣреніемъ въ искреннемъ моемъ уваженіи и преданности.

Баронъ М. Корфъ.

Царское Село.
30 мая 1863¹).

На отдѣльномъ листкѣ:

Листъ 4. Исключить изъ моихъ замѣтокъ зачеркнутыя слова.

Л. 5. Исключить выписку изъ моихъ замѣтокъ, тѣмъ болѣе, что она и не совсѣмъ въ гармоніи съ послѣдующимъ.

Л. 12 на обор. и 13. Эпиграмму на Жуковскаго (изъ берлинскаго изданія) я выключилъ бы даже и въ томъ (маловѣроятномъ) случаѣ, если бы ее пропустила ценсура²⁾.

Л. 17. „Теперь, по прошествіи и пр.“ — до конца страницы, я бы вымаралъ потому во 1-хъ, что это были отнюдь не „недостойныя выходки“, а просто дѣтскія шалости, очень обыкновенная въ публичныхъ заведеніяхъ и, часто, даже въ гораздо грубѣйшихъ формахъ, и во 2-хъ, что К. не только никогда не былъ такимъ „общественнымъ“ дѣятелемъ, но и вообще во всю свою жизнь былъ человѣкомъ болѣе сумасшедшимъ, нежели „благороднѣйшимъ“. Вспылчивый до безумія, онъ всегда, и въ Лицеѣ, и послѣ, странностями и нелѣпостями своими возбуждалъ гораздо болѣе насмѣшекъ, нежели уваженія. Не помню также, чтобы онъ особенно отличался какими-нибудь „редкими“ душевными качествами“. Онъ былъ, просто, что называется добрый малый, но готовый, въ минуты бѣшенства (а онѣ случались нерѣдко), заколотъ всякаго, и врага, и друга. Выстрѣлъъ его по В. К. Михайлѣ Павловичѣ, ничѣмъ не вызванный и притомъ совершенно безцѣльный, скорѣе всего служить доказательствомъ его взбалмошности³⁾.

Л. 18 и на оборотѣ. Выписку изъ моихъ замѣтокъ о Фроловѣ прошу *непретменно* выкинуть. Онѣ, еще менѣе всего прочаго, предназначались для публики, даже и для

самаго тѣснаго кружка. Я смѣлъ бы даже посовѣтовать исключить изъ статьи и все сказанное далѣе о Фроловѣ отъ имени ея автора, даже и цитуемые отрывки изъ національныхъ пѣсней. Фроловъ оставилъ послѣ себя много дѣтей и одинъ изъ его сыновей еще и теперь генераль-адъютантъ. Легкомысленныя шутки молодежи не должны болѣзненно прикасаться къ священнымъ чувствамъ дѣтской любви ⁴).

Л. 23 на оборотѣ. Не Н. В. Строгановой, а графинѣ Натальѣ Викторовнѣ Кочубей, бывшей въ послѣдствіи (но уже гораздо позже) за графомъ А. Г. Строгановымъ, который нѣкогда управлялъ М-вомъ внутр. дѣлъ и потомъ былъ новороссійскимъ генераль-губернаторомъ. Едва ли не она (а не Бакунина) была *первымъ* предметомъ любви Пушкина ⁵).

Л. 24 на обор. Разумовскій получилъ Андреевскую ленту гораздо позже (когда? можно справиться въ Бантышевскомъ спискѣ), и я не думаю, чтобы эти стихи были написаны Пушкинымъ, особенно же въ 1811-мъ году, когда ни онъ, и никто изъ насъ не зналъ, какая такая голубая лента. Разумовскаго у насъ вообще уважали и даже считали какимъ-то нашимъ благодѣтелемъ, такъ что послѣ выпуска, когда онъ уже не былъ министромъ, мы всѣ ѣздили къ нему являться и благодарить его, безъ всякаго на то приказанія или вызова ⁶).

Л. 40. При фамиліи Горчакова хорошо бы выставить заглавныя буквы его имени и отчества, чтобы кто не вздумалъ смѣшать автора „Соловья“ съ нашимъ лицейскимъ товарищемъ ⁷).

Л. 51. У Энгельгардта не было никакихъ особыхъ религіозныхъ воззрѣній, ни „религіозной призрачно-идеальной точки зрѣнія“, ни даже, думаю, слишкомъ глубокихъ религіозныхъ убѣжденій. Казалось бы, что от-

черкнутыя слова лучше исключить. Еще не мало остается людей, знавшихъ и Энгельгардта, и Пушкина⁸⁾.

Л. 53 на обор. Бакунина была не В. П., а Катерина Павловна, одна изъ любимыхъ фрейлинъ имп-цы Елисаветы Алексѣевны. Она еще и теперь жива, въ замужествѣ за однимъ изъ безчисленныхъ Полторацкихъ, за котораго вышла уже въ очень зрѣлыхъ лѣтахъ и съ которымъ давно похоронила себя гдѣ-то въ деревнѣ⁹⁾.

Л. 54 на обор. При NB что-то пропущено.

Л. 62. И. В. Васильчиковъ въ то время еще не имѣлъ никакого титула и пожалованъ графомъ, а потомъ и княземъ, уже гораздо позже¹⁰⁾.

Л. 64. на обор. Разумовскій, при нашемъ выпускѣ, уже *не былъ* министромъ. Про Голицына сказано тутъ, что онъ былъ назначенъ министромъ въ ноябрѣ *того же* года, но какого же? Нашъ выпускъ былъ въ июнѣ, и Голицынъ находился при немъ уже какъ министръ, въ качествѣ какового подписалъ и наши грамоты и пр. Не мѣшало бы, слѣдственно, справиться о числахъ и, вмѣстѣ, исключить тамѣтку объ охлажденіи Разумовскаго къ Лицею, для котораго онъ, въ это время, былъ уже лицомъ постороннимъ¹¹⁾.

Л. 66. „Эбергардтъ Кавказскій“. — Это былъ одинъ изъ нашихъ гувернеровъ, служившій прежде на Кавказѣ¹²⁾.

Л. 66 на обор. Вамъ, вѣроятно, извѣстно слово, слѣдовавшее у Прокофья за „Господа“. Потому не мѣшало бы, вмѣсто „малѣйшемъ шумѣ“, сказать „подозрительномъ звукѣ“, хотя и съ этимъ едва ли кто изъ читателей будетъ умѣть пополнить пропускъ¹³⁾.

Л. 68. Бакунинъ и Ломоносовъ, сколько помню, во всю жизнь свою не написали ни одного стиха.

Примѣчанія.

1) Письмо это хранится въ собраніи автографовъ, принадлежащемъ Императорской Публичной Библіотекѣ, и упоминается въ ея Отчетѣ за 1900 и 1901 гг., С.-Пб., 1905 г., стр. 180. В. П. Гаевскій далъ на просмотръ Корфѣ, лицейскому товарищу Пушкина, рукопись своей статьи „Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія“, вскорѣ напечатанной имъ въ „Современникѣ“ 1863 г., № 7, стр. 129—177, и № 8, стр. 349—399. Подлинная рукопись Гаевского намъ неизвѣстна, и часть замѣтокъ Корфа безъ нея необъяснима, но мы оставляемъ ихъ на тотъ случай, если рукопись когда-нибудь найдется. Въ предисловіи къ своей статьѣ Гаевскій указалъ, что въ числѣ матеріаловъ, служившихъ ему, были „замѣтки барона М. А. Корфа къ второй главѣ біографіи поэта (о Лицеѣ), написанной г. Бартеневымъ“ (Очеркъ П. И. Бартенева печатался въ „Московск. Вѣдомостяхъ“ 1854 и 1855 гг.). Эта записка напечатана полностью Я. К. Гротомъ въ его сборникѣ „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“ (2-ое изд., 1899 г., 222—254).

2) Эпиграмма на Жуковскаго: „Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею...“, несмотря на совѣтъ Корфа, была приписана Пушкину Гаевскимъ во второй части его статьи („Совр.“ 1863, № 8, стр. 363). Она впервые появилась въ берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ тогда въ Россіи стихотвореній Пушкина, выпущенномъ Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) въ 1861 г., стр. 105, примѣч., 232. По показанію Н. И. Греча („Записки о моей жизни“, С.-Пб., 1886 г., стр. 493), эта эпиграмма принадлежитъ А. Ѳ. Воейкову. Въ „Русск. Старинѣ“ 1874 г., № 8, М. М. Поповъ приписалъ ее Пушкину; повторилъ эту ошибку А. И. Кирпичниковъ („Русск. Стар.“ 1897 г., февраль, 275). „Мерзкая эпиграмма“, какъ отозвался о ней А. И. Тургеневъ („Остафьевск. Архивъ“, т. III, 127), по сообщенію князя П. А. Вяземскаго („Стар. и Новизна“, VIII, 37), написана не Пушкинымъ, а А. А. Бестужевымъ. Приписывать ее Пушкину нѣтъ основаній, и Корфъ не напрасно совѣтовалъ Гаевскому выбросить ее (См. П. А. Бѣрремова, „Мнимый Пушкинъ“ — „Новое Время“ 1903 г., № 9845).

3) К., о которомъ говорится здѣсь, — В. К. Кюхельбекеръ. О немъ Гаевскій упоминаетъ въ первой главѣ своей статьи (№ 7, стр. 147—149), гдѣ авторъ, очевидно, пользовался запиской Корфа (Гротъ, ор. с. 244—245). Мѣста, которое Корфъ совѣтовалъ выбросить, въ статьѣ дѣйствительно нѣтъ, но „недостойная выходка“ не были вычеркнуты.

4) Выписку о С. С. Фроловѣ Гаевскій выключилъ, оставивъ („Совр.“, № 7, стр. 150—152) лишь нѣсколько стиховъ лицейской „національной пѣсни“, не слишкомъ обидныхъ для памяти Фролова. Рѣзкій отзывъ Корфа о Фроловѣ находится въ его „Запискѣ“ (Гротъ, 239—242), гдѣ приведена цѣликомъ вся пѣсня о немъ, съ припѣвомъ: „Хвала, хвала тебѣ, Фроловъ!“ Дѣйствительно, въ ней немало злыхъ и язвительныхъ уколовъ.

5) Гаевскій воспользовался этимъ указаніемъ Корфа и исправилъ свою ошибку („Соврем.“, № 7, стр. 159). Преданіе (ibid.) относитъ пьесу Пушкина „Измѣны“ къ графинѣ Н. В. Кочубей. Не о ней ли вспомнилъ Пушкинъ, когда въ программѣ своихъ воспоминаній писалъ, подѣ

1814 г.: „первая любовь“ (см. снимокъ въ VIII томѣ послѣдняго Ефремоваго изданія сочиненій Пушкина, при стр. 574).

6) Приписываемой Пушкину эпиграммы на графа А. К. Разумовскаго нѣтъ въ статьѣ Гаевскаго. Впервые ее напечаталъ, со словъ Ф. Ф. Матюшкина, П. А. Ефремовъ въ своемъ изданіи 1880 г., I, 58; но въ виду документально засвидѣтельствованнаго сомнѣнія Корфа въ авторствѣ Пушкина ея принадлежность ему должна быть взята подъ сомнѣніе. По словамъ Л. Н. Майкова (Академич. изд. сочин. П., т. I, изд. 2-ое, прим., 99), голубой ленты, т.-е. ордена Андрея Первозваннаго, Разумовскій никогда не получалъ.

7) Гаевскій такъ и сдѣлалъ („Совр.“, № 8, стр. 373). Авторъ „Соловья“ — князь Д. П. Горчаковъ. Его „Соловей“ печатанъ въ „Извѣстіяхъ Отд. русск. языка и словесн. Имп. Акад. Наукъ“, 1903 г., VIII, кн. 3, стр. 353—374).

8) Объ Е. А. Энгельгардтѣ Гаевскій говоритъ во второй части своей статьи („Совр.“, № 8, стр. 376—377). Вопреки совѣту Корфа, Гаевскій оставилъ Энгельгардту „религіозныя воззрѣнія“, выбросивъ, впрочемъ, „религіозную призрачно-идеальную точку зрѣнія“. Запись Пушкина въ его альбомѣ напечатана въ Отчетѣ Имп. Публичн. Библиотеки за 1900 и 1901 гг., стр. 125, и въ „Пушк. и его совр.“, вып. VII, стр. 14. О немъ статьи Д. Ф. Кобеко („Вѣстн. Всемирн. Исторія“ 1899 г., № 1) и К. Я. Грота („Историч. Вѣстн.“ 1905 г., июль и августъ).

9) Гаевскій воспользовался поправкой Корфа (*ibid.*, 379—380). О Е. П. Бакуниной см. ст. В. Я. Брюсова въ I томѣ Венгеровскаго изданія сочиненій Пушкина, стр. 284—288, и въ примѣч. Б. Л. Модзалевскаго къ „Запискамъ В. П. Зубкова“ („Пушк. и его совр.“, вып. IV, стр. 173).

10) О командирѣ гвардейскаго корпуса И. В. Васильчиковѣ Гаевскій упоминаетъ (*ibid.*, 393) по поводу „Молитвы лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“, приписываемой Пушкину едва ли основательно (см. нашу замѣтку во II томѣ Венгеровскаго изданія сочиненій Пушкина, стр. 531—532).

11) Указаніемъ Корфа Гаевскій воспользовался (*ibid.*, 395), но оставилъ слова объ охлажденіи Разумовскаго къ Лицею.

12) Объ Эбергардтѣ „кавказскомъ“ упоминается въ забавныхъ стихахъ Пушкина: „Гауэншильдъ и Энгельгардъ...“, впервые напечатанныхъ въ статьѣ Гаевскаго (*ibid.*, 397). Германъ - Магнусъ Эбергардтъ былъ въ Лицеѣ гувернеромъ въ 1816—1818 гг., до того онъ служилъ гдѣ-то на югѣ (И. Селезневъ „Историческій очеркъ Императорскаго Лицея“, С.-Пб., 1861 г., стр. 163). По словамъ записки Корфа (Гротъ, 241), этотъ гувернеръ, ходившій въ ржьемъ парикѣ, носилъ прозвище — „париченокъ“ и былъ очень глупъ.

13) Слѣдуя совѣту Корфа, Гаевскій (*ibid.*) поставилъ: „при всякомъ подозрительномъ звукѣ“. П. А. Ефремовъ (Сочин. П., изд. А. С. Суворина, VIII, 93) въ не совсемъ цензурномъ рефрэнѣ куплетовъ Пушкина замѣнилъ нетерпимое бумагой слово дядьки сходнымъ — „похрѣпывать“, при чемъ объяснилъ, что здѣсь перемѣнены четыре буквы.

Н. Лернеръ.

ПУШКИНЪ

И

ЕГО СОВРЕМЕННОКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ VIII.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ КОММИССИИ ДЛЯ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА ПРИ
ОТДѢЛЕНИИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУКЪ.

С.-Петербургъ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1908.